

*Цитаты, афоризмы,
анекдоты*

**ЮРИЙ
НИКУЛИН**

Жить, как говорится,
хорошо!

А хорошо жить —
еще лучше!

Исключительная книга мудрости

Юрий Никулин

Цитаты, афоризмы, анекдоты

«Издательство АСТ»

УДК 82.341
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 94.8

Никулин Ю. В.

Цитаты, афоризмы, анекдоты / Ю. В. Никулин — «Издательство АСТ», — (Исключительная книга мудрости)

ISBN 978-5-17-122109-6

Юрий Никулин – всенародно любимый артист, потрясающей души человек, удивительный рассказчик. Истории, собранные в этой книге, вызывают улыбку, добрый смех и неизменно дарят хорошее настроение. Они пересыпаны цитатами, афоризмами, остротами, мудрыми наблюдениями над жизнью, которые легко запоминаются и потом пересказываются друзьям и знакомым. Так слова и интонации Юрия Никулина начинают жить в каждом доме. И это замечательно – ведь только по-настоящему счастливый человек способен сделать счастливыми других. В сборник также вошли анекдоты и ставшие давно популярными фразы артиста из кинофильмов.

УДК 82.341

ББК 84(2Рос=Рус)6 + 94.8

ISBN 978-5-17-122109-6

© Никулин Ю. В.
© Издательство АСТ

Содержание

Веселые истории, в которых читатель найдет цитаты и афоризмы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Владимирович Никулин

Цитаты, афоризмы, анекдоты

© Ю.В. Никулин (наследники), 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Веселые истории, в которых читатель найдет цитаты и афоризмы

* * *

Цирк! Когда мы с отцом вошли в зал, меня поразило обилие света и людей. И сразу слово «цирк» стало для меня реальным, осязаемым, понятным. Вот он – огромный купол, застеленный красным ковром манеж, слышны звуки настраиваемого оркестра... Было так интересно!.. Мне настолько понравилось в цирке и так запомнились клоуны, что захотелось, как и многим детям, во что бы то ни стало стать клоуном.

* * *

Из ситца с желтыми и красными цветами мама сшила мне клоунский костюм. Из гофрированной бумаги сделала воротник-жабо, из картона – маленькую шапочку с кисточкой, на тапочки пришила помпоны.

В таком виде я пошел в гости к одной девочке из нашего двора, у которой устраивали костюмированный вечер...

Я – клоун и должен всех смешить. Вспомнив, что, когда клоуны в цирке падали, это вызывало смех у зрителей, я, как только вошел в комнату, тут же грохнулся на пол.

Но никто не засмеялся.

Я встал и снова упал. Довольно больно ударился (не знал я тогда, что падать тоже нужно уметь), но, преодолев боль, снова поднялся и опять грохнулся на пол. Падал и все ждал смеха. Но никто не смеялся. Только одна женщина спросила маму:

– Он у вас что, припадочный?

На другой день у меня болели спина, шея, руки, и первый раз я на собственном опыте понял – быть клоуном непросто.

* * *

Родителям я, как правило, говорил правду. Но если пытался обмануть маму, она строго требовала:

– А ну-ка покажи язык.

Я показывал.

– А почему на языке белое пятно? Обманываешь?

С тех пор пошло:

– Юра, ты вымыл руки?

– Вымыл.

– А ну покажи язык.

– Ладно, ладно, иду мыть, – говорил я.

* * *

Отец много занимался со мной. Он постоянно придумывал различные смешные игры. Любимое наше занятие – лежать вместе на кровати и петь. В толстую конторскую тетрадь

отец собственноручно переписал около четырехсот русских народных песен. Все их я выучил наизусть. Причем мотивы к песням мы часто придумывали сами, и, если вдруг по радио передавали какую-нибудь песню на другой мотив, я страшно удивлялся.

Иногда отец начинал поздно вечером громко петь.

– Володя, что ты делаешь, – возмущалась мать, – все же спят!

– Уже не спят, – смеялся отец, но пение прекращал.

* * *

Отец любил, гуляя со мной, рассказывать о шутках и розыгрышах времен его детства. Так, например, набрав телефон цирка, гимназисты вызывали администратора цирка и спрашивали:

– Вам не нужны мальчики-арабы?

На другом конце провода заинтересовывались и расспрашивали, что умеют делать эти мальчики и откуда они. Отец (а рядом стояли его приятели-гимназисты) сообщал, что их целая семья – пять братьев – и они приехали в Москву искать счастья. Мальчики прыгают, танцуют, глотают шпаги, но питаются только сырым мясом.

В конце разговора назначался час встречи для просмотра мальчиков-арабов. На этом, собственно, шутка и заканчивалась. А дальше гимназисты в своем воображении рисовали картину, как чудо-мальчиков ждут в цирке, представляли, как ходит администратор, нервно теребя ус, а арабов-то нет как нет.

* * *

В другой раз отец с друзьями приклеил к дверям мясной лавки записку: «Имеются в продаже свежие соловьиные языки и верблюжьи пятки». А сами на другой стороне улицы ждали, что будет. Минут через десять из лавки выскакивал возмущенный мясник и срывал записку. Видно, кто-то из покупателей спрашивал соловьиные языки и верблюжьи пятки.

* * *

Мамины сестры часто дарили мне книги. Среди них – «Маугли» Киплинга (ее я знал наизусть), «Робинзон Крузо» Дефо, «Каштанка» Чехова.

Над «Каштанкой» я плакал. И зачем она ушла от клоуна?... Я ненавидел мальчишку, сына столяра, который на веревочке давал мясо собаке. И почему она вернулась к столяру, где пахло клеем, стружкой и где ее снова могли мучить? Этого я не понимал. На мой взгляд, Каштанка поступила неправильно.

* * *

Хотя елку родители мне не устраивали, но в Деда Мороза, приходящего к детям на праздники, я верил. И перед Новым годом всегда выставлял ботинки, зная, что Дед Мороз обязательно положит в них игрушку или что-нибудь вкусное. Случалось, что несколько дней подряд я выставлял ботинки, и Дед Мороз все время в них что-нибудь оставлял. Но в одно январское утро я подошел к ботинку, а там лежал завернутый в лист бумаги кусок черного хлеба, посыпанный сахаром.

– Да что, Дед Мороз обалдел, что ли? – спросил я громко, возмущенно и с горечью (у родителей, оказывается, просто деньги кончились, и они ничего не смогли купить).

Отец сказал:

– Надо будет мне поговорить с Дедом Морозом.

На следующий день Дед Мороз положил в ботинок пряник в форме рыбки.

* * *

Во дворе собирались ребята из нашего и соседних домов. Старшие гоняли голубей, играли в «расшибалочку», тайком курили в саду за курганом. Мы же, мелюзга, играли в «казак-разбойников», прятки, лунки, салочки. Позже узнали о волейболе и футболе. Во время футбола часто вылетали стекла в квартирах. И время от времени сообща собирались деньги на стекольщика.

* * *

Все ребята во дворе имели прозвища. Зудилина звали Будильником, одного парня – Паташомом, другого Сапогом, а меня Психом.

Как-то во дворе одному из ребят я сказал:

– А ты у нас псих ненормальный.

– Что такое псих? – переспросили меня.

– Сумасшедший, психически больной, – объяснил я.

Все засмеялись, и меня с тех пор начали называть Психом.

* * *

Уже в первом классе я стал понимать, что есть профессии куда более интересные, чем клоун. Например, пожарник или конный милиционер. И все-таки, когда учительница спросила: «Кто хочет участвовать в школьном концерте?» – моя рука тут же взметнулась вверх.

Первая роль

– Горошек. С большим куском картона, на котором нарисовали зеленый горошек, я участвовал в сценке «Огород».

Нас, десятерых мальчиков, поставили в ряд на сцене, и каждый по очереди, сделав шаг вперед, должен был произнести несколько стихотворных строчек об овоще, который он изображал. Мне велели выучить такие строчки:

Вот горошек сладкий,
Зерна, как в кровати,
Спят в стручках усатых.

Последним в строю – возможно, из-за маленького роста – поставили меня. Все ребята быстро прочли стихи. Настала моя очередь. Я делаю шаг вперед и от волнения вместо стихов произношу:

– А вот и репка!

Зал засмеялся, ибо получилось неожиданно – все читали стихи, а один просто назвал овощ, при этом перепутав горох с репкой.

Посрамленный, я ушел со сцены. За кулисами учительница, посмотрев на меня строго, сказала:

– А ты, Никулин, у нас, оказывается, комик!

* * *

Я покривил бы душой, если бы сказал, что в школе вел себя примерно. Нет. Когда чувствовал, что меня могут вызвать, а уроки не выучены, то прогуливал. За прогулы наказывали. И тут я придумал новый способ. Во время переключки я прятался под парту.

– Никулин, – говорил учитель.

– Нет его. Он болен! – кричал я из-под парты.

Учитель ставил в журнале отметку о моей болезни (это значило, что меня уже не могут вызвать к доске), и я тогда вылезал из-под парты.

* * *

Остался у меня в памяти и школьный вечер, посвященный творчеству Горького. Сценарий вечера написал отец, включив отрывки из «Детства» Горького. Я играл Алешу Пешкова. Выходил с книгой сказок Андерсена и читал (так начиналась инсценировка): «В Китае все жители китайцы и сам император китаец...»

Не знаю почему, но в дни подготовки к вечеру мечталось: а что будет, если вдруг придет к нам в школу Горький? Посмотрит он нашу инсценировку, ахнет и скажет: «Как здорово этот мальчик сыграл Горького! Верно, я был таким».

Играть Горького мне нравилось. Конечно, я не говорил на «о» и вообще старался оставаться самим собой. Просто представлял себе – я маленький Горький. Чем ближе подходил день спектакля, тем больше верилось, что Горький придет к нам. Но Горький на вечер не пришел.

* * *

Часто на моих днях рождения бывала она, моя первая любовь.

Порой ее провожал в школу отец. Это был хмурый, неразговорчивый человек. Он доводил дочь до ворот и, сухо кивнув ей головой, шел на работу. А я думал: «Вот какой он, даже не поцелует. Ведь так приятно было бы ее поцеловать!»

В своих мечтах я целовал ее бесконечно. Почему-то целовал в щеку или в макушку там, где сходились ее беленькие волосы. Но потом, узнав, что она с отцом ходит регулярно тренироваться в стрельбе из винтовки, проникся к нему уважением и сам решил записаться в стрелковый кружок. Но после первого же занятия меня с приятелем из тира выгнали, потому что мы стреляли по лампочкам на потолке.

* * *

Как-то в порядке наказания классный руководитель посадил меня рядом с ней за парту. Девочка всегда хорошо себя вела, и классный руководитель рассчитывал, что она положительно воздействует на меня. Больше радости, чем сидеть рядом с ней, трудно было себе представить. От восторга я стал выкидывать разные штучки, смешил свою соседку до слез.

Райское житье длилось неделю. Кончилось тем, что меня пересадили на первую парту рядом с мрачным мальчиком-отличником, который не только не хотел разговаривать со мной на уроке, но и списывать не давал.

* * *

Я плохо учил немецкий язык, и у меня возникли трудности на уроках Софьи Рафаиловны.

Отец, успокаивая меня, как-то пошутил:

– А ты особенно не огорчайся. Возьми и скажи ей, что немецкий учить незачем. Если же будет война с немцами, так мы с ними разговаривать особенно не будем.

Я последовал совету отца. На одном из уроков после того, как я долго не мог ответить на вопросы, Софья Рафаиловна меня спросила:

– Ну почему ты ничего не учишь?

– А зачем мне, – ответил я, – знать немецкий? Если будет война с немцами, мы с ними особенно разговаривать не будем.

Класс грохнул от хохота, а учительница обиделась.

* * *

В армию меня призвали в 1939 году, когда еще не исполнилось восемнадцати лет...

Почти семь лет я не снимал с себя гимнастерку, сапоги и солдатскую шинель... В армии я прошел суровую жизненную школу, узнал немало людей, научился сходить с ними, что впоследствии помогло в работе, в жизни. Ну а военная «карьеря» моя за семь долгих лет – от рядового до старшего сержанта.

* * *

В один из первых дней службы выстроил всех нас старшина и спрашивает:

– Ну, кто хочет посмотреть «Лебединое озеро»?

Я молчу. Не хочу смотреть «Лебединое озеро», ибо накануне видел «Чапаева». А с «Чапаевым» вышло так. Старшина спросил:

– Желющие посмотреть «Чапаева» есть?

«Еще спрашивает», – подумал я и сделал два шага вперед. За мной вышло еще несколько человек.

– Ну, пошли за мной, любители кино, – скомандовал старшина.

Привели нас на кухню, и мы до ночи чистили картошку. Это и называлось смотреть «Чапаева». В фильме, как известно, есть сцена с картошкой.

Утром мой приятель Коля Борисов поинтересовался: как, мол, «Чапаев»?

– Отлично, – ответил я. – Нам еще показали два киножурнала, поэтому поздно и вернулись.

На «Лебединое озеро» из строя вышли четверо. Среди них и Коля Борисов. Они мыли полы.

* * *

Моя тетка в то время работала в детском саду. Помню, пришла она к нам и, увидев кочергу, которой мама помешивала головешки в печке, сказала:

– Хорошая у вас кочерга. А мы в детском саду мучаемся, у нас вместо кочерги ружье.

– Как ружье? – не поверив, спросил я.

– Да так, настоящее ружье, дуло есть, приклад.

- Вот бы мне его! – сказал я мечтательно.
- А чем же мы печку мешать будем? – спросила тетка.

* * *

Командир огневого взвода лейтенант Ларин забавно говорил вместо «огневики» «угневвики».

- Вызовет он, бывало, помком взвода и говорит:
- Собери-ка угневиков, я им прочту профилактику.
- Когда все собирались, он начинал свою «профилактику»:
- Что же получается, товарищи? На седьмой батарее – прогресс, а на нашей – агресс.

* * *

Любимым выражением военфельдшера Бакурова было «проявите находчивость». Как-то я сказал ему, что нам не завезли дров и нечем топить печки.

- Достаньте, проявите находчивость, – сказал мой начальник.

Наступила ночь. Вместе со своим приятелем-санитаром я отправился «проявлять находчивость». Осторожно подошли к дому комсостава и начали пилить скамейку. Тут же в окне квартиры начальника штаба открылась форточка, высунулась рука с наганом, и бабахнул выстрел. Мы побежали, в панике бросив пилу.

На другой день дежурный по штабу ходил и всех спрашивал: «Кто потерял пилу?» Он и к нам в санчасть зашел.

- Это не ваша пила?
- Да, нет, – говорим, – наша на месте.

И показываем ему вторую пилу, которая, по счастью, оказалась у нас: в общем, «проявили находчивость».

* * *

Стояла страшная жара. Ходили по военному городку все размоленные. В это время с инспекцией приехал из округа полковник. Проверяющий ходил по городку и всех разносил в пух и прах. Рядом с ним – начальник штаба.

А тут – ЧП. Неизвестно откуда появился пьяный писарь (потом выяснилось, что он только что вернулся со свадьбы сестры). Стоит писарь посреди городка и разглагольствует. Что делать? Друзья «проявили находчивость»; взяли писаря за руки, за ноги и со словами: «Лежи тихо, а то погибнешь» – спрятали его под грузовик, стоявший на площадке.

Подходит полковник к грузовику и видит: ноги чьи-то из-под машины торчат.

– Как фамилия бойца? – спрашивает полковник у начальника штаба. Тот назвал первую попавшуюся.

– Молодец. Единственный человек делом занят. Объявить ему благодарность, – сказал полковник и уехал из городка.

Рассказывали, что на другой день обнаглевший писарь потребовал объявления благодарности перед строем. Начальник штаба дал ему трое суток ареста.

* * *

22 июня 1941 года по случаю воскресенья с Боруновым, взяв трехлитровый бидон, пошли на станцию покупать для всех пива. Подходим к станции, а нас останавливает пожилой мужчина и спрашивает:

– Товарищи военные, правду говорят, что война началась?

– От вас первого слышим, – спокойно отвечаем мы. – Никакой войны нет. Видите – за пивом идем. Какая уж тут война! – сказали мы и улыбнулись.

Прошли еще немного. Нас снова остановили:

– Что, верно война началась?

– Да откуда вы взяли? – забеспокоились мы.

Что такое? Все говорят о войне, а мы спокойно идем за пивом. На станции увидели людей с растерянными лицами, стоявших около столба с громкоговорителем. Они слушали выступление Молотова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.